Я выбрал бы жизнь

Автор:
Тьерри Коэн

Я выбрал бы жизнь

Тьерри Коэн

Поединок с судьбой

Первый роман Тьерри Коэна, который принес ему славу. Искренняя, пронзительная история Жереми Делега читается на одном дыхании.

В минуту отчаяния, не в силах справиться с уходом любимой девушки, герой решает покончить с собой. А дальше начинается его существование между бытием и небытием, между реальностью и ирреальностью, границы между которыми столь зыбки, столь неясно очерчены, что порой и вовсе незаметны.

У Жереми появляется исключительная возможность – наблюдать со стороны собственную непрожитую жизнь. Жизнь, которая, как он с опозданием понял, стоит того, чтобы продолжать ее, несмотря ни на что.

Тьерри Коэн

Я выбрал бы жизнь

© Хотинская Н., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Эрику Хаиму Бенсаиду, моему другу. Чтобы сказать ему, что я по нему скучаю.

Элен и Жаку, моим родителям. Чтобы сказать им, что я их люблю.

Глава 1

8 мая 2001

Таблетки, виски, травка. Лечь, вытянуться. Я знаю, что делаю. Думать только о способе. Думать только о действиях. Думать только обо мне, здесь, в этой гостиной, о бутылке, о таблетках. Только я. Пробка. Тюбик. Открыть рот, положить таблетку на язык, поднести к губам бутылку. Проглотить. Думать о способе. Ни о чем больше. Ни о папе, ни о маме. Только не о них. О моей обиде. Я здесь один. Я и моя обида. Я знаю, что делаю. Папа и мама поймут. Может быть. Поймут или нет, мне плевать! Нет… Не думать об этом. Ни о ком не думать.

Сегодня решаю я! Я не хочу больше жить. Жизнь – пытка, мучение. Решаю я. И я решил, я от нее отказываюсь. Я хозяин положения!

А если вдруг изменит мужество, если захочется встать, все прекратить, я подумаю о ней. О той, что и есть жизнь и что отвергла меня. Не о других, не о тех, кто меня любит, но о ней, о той, что не любит меня, не хочет полюбить. Не хочет даже попытаться. Ее атласная кожа, зеленые глаза, улыбка. Ее улыбка! Ласка, которую дарит ее красота каждому, кто приближается к ней. Для меня она стала болью. Нет, все в ней – моя погибель, увлекшая меня в эту бездну. Бездна смерти против пустоты моей жизни. Какая разница?

Боже, как кружится голова. Боже… Зачем я к Тебе обращаюсь? Где Ты? Есть ли Ты? Слышал ли Ты мои молитвы? Итак, Господь, давай сведем счеты! Как ты мог,

Господь милосердный, сотворить такое чудо рядом со мной – и мне в нем отказать? С какой целью? Чтобы я страдал? Ты добился своего! Я страдаю. Так страдаю, что не хочу больше жить. Что, доволен? Я возвращаю Тебе мое будущее. Отдай его кому-нибудь другому. Ты показал мне лишь пропасть – и я бросаюсь в нее.

Я не боюсь.

Думать только о способе. Бумажный конус все дымится. Еще немного дурмана. Уйти от себя, чтобы расстаться с ней. Вот, я уже плыву в дремоте от дыма и алкоголя. Скоро – таблетки. Это способ. Я обливаюсь потом. Но не боюсь.

Еще несколько секунд.

Думать о ней.

Я решил все ей сказать. Сегодня, в день, когда мне исполнилось двадцать лет. Освободиться от сомнений. Наконец узнать. Я готовился… Но надо ли мне было готовиться? Я был полон слов, все – для нее. Но она не стала меня слушать, не захотела понять. Я говорил ей о нашей детской любви. О начале истории.

– Но нам же было десять лет, Жереми, – с улыбкой ответила она.

Десять лет. Это не так уж мало – десять лет. Я был безумно влюблен. И она меня любила.

Для нее – всего лишь детская игра, несколько невинных поцелуев, нежная дружба, милая мелодия. Далекое, поблекшее воспоминание.

Для меня – начало жизни. Теплый свет из поры до того лета, что разлучило нас.

– Мы ведь стали друзьями. Ты даже был моим наперсником!

Жалкая роль, которую мне пришлось играть все эти годы, чтобы быть с ней рядом. Видеть, как весь этот самовлюбленный сброд использует свою красоту, свои внешние данные. Она так любила нравиться. И тогда я отдалился. Попытался забыть ее. Тщетно. Боль, надежда. До потери дыхания.

С этим надо было кончать. В день, когда мне исполнится двадцать. Вроде ультиматума, который ставишь сам себе, чтобы сделать терпимым ожидание.

Сказать ей о моей любви, попытаться ее уговорить. Слова как жемчужины, время осело перламутром вокруг раны.

Я видел, что моя речь ее тронула.

Несколько секунд она была моей. Или мне это пригрезилось?

Появился он – и все рухнуло.

– Познакомься, это Юго. Мой жених.

От этих слов я застыл. Боль, моя спутница, притаившаяся где-то между сердцем и желудком, внезапно проснулась, сильнее прежнего. Как последний отчаянный штурм перед неизбежным концом.

Она моя. Только моя. Моя!

Я с такой силой думал, что выкрикнул это вслух.

Он ударил меня. Я упал – жалкое зрелище. Она удержала его. В глазах – нежность, в словах – жалость.

– Я люблю его. А тебя я не люблю, Жереми. Я никогда тебя не любила! И никогда не полюблю! Мне очень жаль.

Слова, чтобы унять его пыл, чтобы убить мою любовь. Каждое – как плевок в мою душу.

И они ушли.

И все кончилось.

Я докурил косяк. Лежу, вытянувшись, с таблетками в одной руке, с бутылкой в другой. Единственный выход.

До скорой встречи, Боже! Мы сведем с Тобой счеты! Тебе придется объясниться! Я не приму никаких оправданий. Заслужить прощение Ты мог бы только здесь. Что уготовил Ты мне там, за чертой, если здесь мой ад? Я предстану перед Твоим судом, чтобы ответить за мое прегрешение? Ты не приемлешь самоубийства, отвергаешь самоубийц? Меня Ты отверг при жизни. Ты в ответе за мой поступок!

Картины вставали в мозгу Жереми, как последние искры угасающего огня. Его родители смотрели, как он уходит. Мать, плача, тянулась к нему рукой. Отец взирал на него холодно. Потом появилась маленькая девочка и скользнула между ними. Сестренка заняла его место. Он застонал. Противник грозен! Надо действовать быстро, заглушить эту давнюю боль или обратить ее в свою пользу. Разве это не оправдание его поступка?

Он положил таблетки на язык и запил их глотком виски.

Холодное дыхание растеклось под кожей. Достаточно холодное и мощное, чтобы погасить двадцать лет его жизни. Ему послышался голос. Виктории? И то, что шептал ему этот голос, такой далекий, прорисовало улыбку на его окаменевшем лице.

«С днем рождения, Жереми!»

Глава 2

Он проснулся от света. Приятное тепло окутывало его. Ему было хорошо.

Его последняя мысль перед смертью была о потустороннем мире, с надеждой прийти к чему-то лучшему и найти ответ.

А теперь нежный свет лизнул его веки.

«Я умер, и мой путь окончен. Я пойду дальше, за грань, к яркому свету, к истине. И, может быть, пойму смысл моей жизни».

Он полежал, ожидая движения, которое понесет его к этому свету. Но почему-то не приблизился к нему.

Что-то ласково коснулось его живота. Это ощущение удивило его. Потом он почувствовал тяжесть собственного тела и, кажется, услышал биение сердца.

Мысль пронзила его ужасом: он еще не умер!

Он попытался открыть глаза, и сияние ослепило его.

Размытое видение, потом что-то шевельнулось.

Он вздрогнул. Очертания, тени и цвета постепенно проступали: каштановые волосы, женское лицо.

«Не может быть! Это сон! Предсмертный бред! Это лицо… Абсурд!»

Опираясь подбородком на две длинные руки, сплетенные на его животе, на него с улыбкой смотрела Виктория.

Жереми оцепенел, словно загипнотизированный этим невероятным видением.

– Ну что, проснулся наконец? – тихо сказала она.

«Лицо Виктории. Ласка Виктории. А теперь – ее голос».

– Ну же, лодырь! Подъем!

Пальцы Виктории гладили его грудь.

«Она здесь, рядом. Она смотрит на меня, говорит со мной…»

– Ты собираешься просыпаться или я встаю?

Он попытался пошевелиться и, к своему удивлению, протянул руку к руке Виктории, коснулся ее.

«Что это – сон, иллюзия, фикция? Кто ее режиссер? Бог? Дьявол?»

Его охватили одновременно страх и восторг. Хотелось кричать, плакать, смеяться.

Он решил радоваться мгновению, поддавшись этой галлюцинации, которую подарила ему смерть.

Виктория прижалась к нему. Ее кожа показалась ему легким шелком, скользнувшим по его телу. Еще нежнее, чем в его снах. Когда ее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица, он не отвел глаз, любуясь каждой его черточкой – огромными зелеными глазами, длинными ресницами, губами, приближавшимися теперь к его губам.

Сколько раз ему снилось, как он обнимает ее.

Она нежно поцеловала его в губы, и он отдался этому сладостному бреду.

«Какая разница, реален этот момент или нет? Я в нем живу!»

– Слушай, ты не мог бы живее откликнуться? – возмутилась она. – Если у месье день рождения, значит, месье имеет право лежать бревном?

День рождения? Он вздрогнул. Что это значит? Неужели смерть уважила ультиматум, отвергнутый жизнью? Или там, в глубинах бездны, время и небытие

столкнулись, слились, чтобы даровать ему последнюю радость? Он решил насладиться моментом, прожить до конца этот бред, прежде чем окончится его земной путь.

Она прильнула к нему всем телом, и ему показалось, что ее кожа тает и растекается в нем.

Жереми лежал, не смея шевельнуться.

– Да обними же меня! – нахмурилась она.

Потом подняла голову и посмотрела на него с лукавинкой в глазах.

– Ты не хочешь подарка?

Она снова поцеловала его, и Жереми ощутил вкус ее губ. Он чувствовал себя пьяным, убаюканным грезой, до реальности выпуклой.

– Я погашу свет, – шепнула она.

«Не надо темноты, нет еще! Мрак поглотит нас, заберет Викторию и уведет меня к концу моего пути! И этой передышке, такой чудесной, придет конец!»

Свет погас, но Виктория осталась рядом с ним.

– Теперь ты обнимаешь меня слишком крепко. Я не могу шевельнуться, – сказала она ласково, с улыбкой в голосе.

Она по-прежнему лежала рядом.

Жереми держал ее за руку. Он боялся, что оргазм станет завершением его сна. Сколько снов заканчивалось именно так! Он лежал неподвижно, со страхом ожидая мгновения, когда придется расстаться с ней и наконец умереть.

Виктория уперлась подбородком в его грудь и прошептала:

– Знаешь, глупо, но я не могу не думать, что год назад… ты хотел умереть. Из-за меня.

Сев на постели, потрясенный, он пытался осмыслить слова Виктории.

«Год назад? Мой день рождения? Так мы живы? Почему я не помню этот год?»

Его рассудок пошатнулся под натиском безумных вопросов, обрывочных мыслей, абсурдных ответов и предположений.

Несуразность ситуации стала невыносимой, и он поднялся. Нервно потер затылок, силясь принять решение.

Было слышно, как Виктория напевает под душем «Гимн любви»[1 - Популярная песня из репертуара Эдит Пиаф.].

Жереми оглядел комнату – светлая, в бело-кремовых тонах, в современном стиле, довольно холодная, но кое-какие вещи оживляли ее. Некоторые он узнал. Клубное кресло, которое ему подарили родители, лампа с красным абажуром, купленная у молодого дизайнера, две яркие подушки.

Он подошел к окну и раздвинул плотные занавеси. Луч света упал на кровать, в нем заплясали пылинки. За окном шла обычная жизнь, прохожие, машины, уличные шумы.

Он снова осмотрел комнату, освещенную теперь дневным светом, и заметил настенный электронный календарь. На нем был снимок Эссуэйры, его родного города. Белые и голубые дома, согнувшиеся под ветром деревья. Он подошел ближе, чтобы прочесть светящуюся дату: 8 мая 2002.

8 мая 2001 он покончил с собой.

Жереми сел в кресло, не сводя изумленных глаз с календаря.

Чтобы не поддаться накатившему безумию, он заставил себя успокоиться. Надо было подумать и рассмотреть все возможные гипотезы. Если он умер, то, может быть, попал в рай, где каждый день – день его рождения. Или это ад, и он обречен вечно переживать один и тот же сон, всегда в один и тот же день. А если он жив – значит, самоубийство не удалось и он потерял память. Целый год выпал из жизни.

В дверях ванной появилась Виктория в белом халате, с полотенцем на голове, розовощекая, улыбающаяся. Любовь всей его жизни была рядом с ним.

– Что ты смотришь на календарь? Проверяешь дату? Ну да, сегодня твой день рождения! Почему, ты думаешь, я на тебя набросилась с утра? Это тебе подарок! – пошутила она.

Потом, вглядевшись в серьезное лицо Жереми, нахмурилась.

– Да что с тобой сегодня? Почему ты дуешься? Ты с утра какой-то странный.

Не зная, что и думать, он решился задать ей вопрос.

– Я…

Он заговорил впервые после пробуждения, и собственный голос удивил его.

Он осекся, вслушиваясь в звучавший почти уверенно басок.

– Да?

Она заинтригованно склонила голову.

Что он мог ей сказать? Если все это лишь иллюзия, к чему признаваться ей в своем смятении?

Но молчать он больше не мог.

– Я забыл…

– Ты забыл? Что, сердце мое? Свой день рождения? – пошутила она, на сей раз без улыбки.

Он был так серьезен, так напряжен.

– Что ты забыл, любимый? – повторила она.

– Я все забыл, – выдавил он из себя, удивленный и восхищенный нежностью Виктории. – Я ничего не помню. Эта квартира мне незнакома. Я не помню, что было вчера, позавчера, месяц назад.

Виктория озадаченно взглянула на него и пожала плечами. Она села на диван и принялась сушить волосы полотенцем.

– Виктория. – Он затрепетал, произнеся ее имя. – У меня амнезия… кажется.

– Ну брось, хватит! Эти твои сомнительные шуточки!

Она продолжала энергично вытирать свои длинные волосы, наклонив голову.

«Как ей сказать? А нужно ли? В конце концов, каков бы ни был мир, в котором я живу, настоящее и будущее, если они у меня есть, прекрасны, раз она со мной! Так что мне до прошлого? Двенадцать месяцев – что это такое в сравнении с вечностью?»

И все же Жереми знал, что не сможет быть самим собой, если не обретет память об этих двенадцати месяцах. Он решил предпринять последнюю попытку.

– Мне правда что-то нехорошо. Голова болит. И…

При этих словах Виктория подняла голову и посмотрела на него снисходительно.

– Это, наверное, после вчерашнего. Ты столько выпил, ничего удивительного!

Жереми вздрогнул.

«После вчерашнего? Много выпил? Я же терпеть не могу спиртное. Но почему бы нет? Да! Я праздновал свой день рождения и так напился, что забыл целый год».

Гипотеза была смелая, но правдоподобная и вполне утешительная.

«В таком случае я, конечно, жив! И когда пройдет похмелье, память вернется!»

– А что было вчера? – спросил он, радуясь этой мысли.

– Ну ты был хорош! Ты правда не помнишь? – спросила она насмешливо.

– Нет.

– Я понимаю, что тебе хочется забыть! Ты чуть не испортил праздник. Травил неприличные анекдоты, объяснился в любви Клотильде… чуть было не ударил Пьера, когда тот попросил тебя замолчать.

Она сказала все это не поднимая головы, улыбаясь уголком рта.

Ее слова потрясли его. Как он мог? Он слишком робок, чтобы так себя вести. Неужели за год он до такой степени изменился?

– Объяснился в любви Клотильде? А Пьер?

– Не волнуйся, они не обиделись. Они знают, что ты дуреешь, когда выпьешь. А я вчера на тебя разозлилась. Ладно, я понимаю, твой день рождения, алкоголь и все такое… И вообще, – с улыбкой добавила она, – твое признание Клотильде было таким пошлым по сравнению с тем, что ты сделал мне всего год назад.

– Ты говоришь о моем признании в парке? Но… Я, наверно… Я ведь не раз говорил тебе с тех пор…

Она улыбнулась еще нежнее.

– Да, конечно. Ласковые слова. Знаки внимания. Но не настоящее признание. Не то, от которого наворачиваются слезы…

Она помедлила, словно заново переживая те минуты.

– Ты так меня потряс, что я бросила человека, который сделал мне предложение, ради тебя!

Это откровение глубоко взволновало Жереми. Оно отчасти открыло перед ним его историю и объяснило присутствие Виктории в комнате, но собственное поведение изрядно удивило его.

Он подошел и сел с ней рядом. Взял ее руки и приложил к своим щекам.

– Знаешь, я могу говорить тебе такие вещи, и даже еще лучше, каждый день.

– Какой ты сегодня серьезный! Я тебя обидела, милый?

– Нет, просто у меня ужасно… болит голова.

Она приложила руку к его лбу.

– И правда, ты неважно выглядишь. Бледный как смерть.

От этих слов Жереми пробрал озноб.

Он решился все ей сказать. Она одна могла помочь ему.

– Я совсем плохо себя чувствую. Я не помню, что было вчера… но и весь прошлый год тоже не помню. Абсолютная пустота.

Он встал и прошелся по комнате, продолжая говорить:

– Я понимаю, это кажется невероятным, но у меня… амнезия. Странная амнезия, потому что я забыл только этот год, – добавил он. – Я помню все предыдущие двадцать лет. И даже несколько минут перед тем, как я… попытался…

Виктория застыла посреди гостиной, с тревогой глядя на него.

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно.

Лицо у Виктории было озадаченное.

– Может, из-за выпивки? – предположила она без особой убежденности.

– Может быть.

Они молча смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

– Я поняла! Это удар! – вдруг воскликнула Виктория. – Вчера я пыталась тебя уложить, но ты стал отбиваться – и упал! Ударился головой о стойку кровати. Ты сказал, что все в порядке, но у тебя вскочила здоровенная шишка. Ты уснул, и я решила, что ничего страшного. Но ты все-таки ударился очень сильно. Надо было отвезти тебя в больницу!

Это объяснение успокоило Жереми. Он запустил руку в волосы и действительно нащупал бугорок справа от макушки. На душе у него сразу полегчало. Физическая причина, удар… Наконец-то конкретный факт, хотя бы отчасти объясняющий ситуацию.

Виктория взяла его под руку и осторожно усадила на край кровати – так обращаются со стариками. Глядя на нее, взволнованную, обеспокоенную, он укреплялся в мысли, что жив. Жив, но не здоров. И Виктория с ним и любит его.

Страх отпустил, и Жереми захотелось кричать от радости.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – спросила Виктория.

– Абсолютно ничего.

– Как мы в первый раз были вместе? – задала она следующий вопрос с лукавой улыбкой.

– Для меня это было сегодня.

Ее глаза округлились.

– Эту квартиру? – продолжала она.

– Впервые вижу.

Понизив голос, она обратилась к нему, как к больному:

– Сделай усилие. Как ты очнулся в больнице после попытки… И как выздоравливал у меня дома?

– Нет. Я помню только самоубийство, а потом – нас с тобой сегодня утром. В промежутке – ничего.

– Невероятно! Ты хочешь сказать, что ты и со мной впервые… Что ты только сейчас узнал, что мы с тобой…

– Да.

– С ума сойти! – воскликнула она, потом глубоко вздохнула и решительно поднялась. – Ладно, не беспокойся. Эта амнезия временная.

– Временная и избирательная?

– Что мы знаем об амнезии? – сказала она и направилась к телефону. – Я позвоню Пьеру, чтобы он отвез нас в больницу. И твой лучший друг будет с тобой, тебе это пойдет на пользу.

Они стояли у его кровати. Жереми помнил Пьера. Он был из лицейской компании Виктории. Жереми знал тогда всех ее приятелей и классифицировал их по степени опасности. Самых красивых, самых обаятельных он ненавидел. Другие, не обладавшие таким козырем, как привлекательная внешность, самим своим существованием представляли угрозу. Виктория была достаточно восприимчива,

чтобы не устоять перед сильным и своеобразным характером. Остальные были допущены «ко двору» за юмор, за добрый нрав. Пьер располагался между второй и третьей категорией. Он смахивал на Вуди Аллена. Славный парень, остряк, с умным взглядом, редкими волосами и заурядными чертами лица. Жереми помнился его хрупкий, чуть сутулый силуэт. Пьер частенько сопровождал Викторию на вечеринках. Она даже порой держала его за руку, и Жереми завидовал этому пареньку, но и был благодарен за то, что тот заботился о ней, как он надеялся, бескорыстно.

Жереми не знал, когда и как Пьер стал его лучшим другом. Его присутствие было удивительно. От его предупредительности и явной тревоги становилось не по себе.

Пьер склонился к Жереми.

– Слушай, дружище, я знаю, ты не любишь об этом говорить, но сейчас есть повод.

Виктория с беспокойством смотрела на него, кусая губы.

– Ты помнишь эту больницу? Год назад Виктория привезла тебя сюда. Ты был в прескверном состоянии. Бутылка виски и куча таблеток… Ты впал в кому.

– Повторяю тебе, я не помню, – с раздражением ответил Жереми.

– Черт, – процедил сквозь зубы Пьер. – Ну а какое твое последнее воспоминание?

– Бутылка, косяк, таблетки, моя гостиная…

– А до того? Ты помнишь свою жизнь до попытки?..

– Да, все помню.

– А после – ничего?

– Ничего. Десятый раз тебе говорю.

– Извини. Я, наверно, тебя утомил, – вздохнул Пьер и сел на край кровати. – Давай о хорошем: обследование ничего тревожного не показало! Конечно, врач осторожничает. Он говорит о «вероятных психосоматических источниках». Вроде бы твоя суицидальная попытка – корень всего. Я не думал, что она тебя угнетает. Ты никогда об этом не говорил.

– Это правда, – сказала Виктория, – но именно потому, что она его угнетала.

– Что удивительно – избирательность твоей амнезии.

Пьер помедлил.

– Ведь ты же… не знаешь меня! – продолжал он.

– Только в лицо, с лицейских времен.

– В лицо! – повторил Пьер. – Меня, лучшего друга! Я ухаживал за тобой, пока ты выздоравливал, я доставлял тебя домой живым и невредимым после каждой пьянки… и ты меня знаешь… только в лицо!

– Извини, мне очень жаль…

Присутствие Пьера мешало Жереми. Его вопросы, его теплое отношение раздражали. Ему хотелось остаться наедине с Викторией, поговорить с ней, обнять.

– Пьер, ты мог бы нас оставить? – спросил Жереми немного суховато.

Пьер удивленно вскинул голову.

– Конечно, – ответил он, стараясь скрыть обиду.

Потом, обернувшись к Виктории, добавил:

– Звони мне сразу, если будут новости. Не пропадай.

Последняя фраза тронула Жереми. Он протянул Пьеру руку. Тот пожал ее, нагнулся и поцеловал его в щеку.

– Когда придешь в норму, обнимемся.

Жереми стало неловко от этой интимности, но он только крепче сжал руку.

Когда Пьер вышел, Виктория села рядом с Жереми и погладила его по лицу. Снова нахлынуло счастье.

– Вот как, значит, месье меня не помнит?

– Для этого мне надо было бы забыть двадцать лет моей жизни. Но о том, что мы пережили вместе, у меня нет никаких воспоминаний. Поэтому видеть тебя здесь, рядом со мной, это… почти сверхъестественно. Может быть, если бы ты рассказала мне, что произошло за этот год, мне бы это помогло?

– Это какое-то безумие – рассказывать тебе историю, которую мы пережили так недавно. Ну ладно, попробую.

Виктория легла рядом, взяла его за руку и уставилась в потолок.

– Останови меня, если что-то вспомнишь, – проговорила она. – Все началось с твоей ссоры с Юго, моим… женихом, после того как ты сказал, что любишь меня. Ты лежал на земле, а он был вне себя от ярости. Он кричал, ругался, издевался над тобой, и я за тебя вступилась. Меня возмутила его злоба. Атмосфера накалялась, и он понес невесть что. Даже обвинял меня, мол, это я тебя распалила. Знаешь, он был очень импульсивный. Я побаивалась его перепадов настроения. Я сказала ему, что твое признание меня все-таки глубоко тронуло.

Она рассмеялась.

– Он вспылил и наговорил кучу гадостей. Тогда-то я и поняла, что не смогу построить жизнь с таким… примитивным человеком. Я не была по-настоящему влюблена в него. Он красавец. На таких все девушки западают. Глупо, но мне льстило, что он выбрал меня. Такой вот я тогда была…

Она понизила голос, словно пряча замешательство.

– В общем, я оставила Юго и пошла домой. И по дороге я думала обо всем этом. О тебе. О том, как у тебя дрожали губы, когда ты говорил. О твоих словах. О твоей беззаветной любви. О наших детских играх. Да, правда, ты не совсем мой тип мужчины. Ты был давним поклонником, приятелем. Я знала, что ты без ума от меня, и мне это нравилось. Вообще-то, я любила парней мускулистых, спортсменов, хотя от них не приходилось ожидать ни одного нежного слова. И тут твое признание… такое прекрасное… твоя любовь, твои чувства… Во мне что-то щелкнуло! Я должна была тебя увидеть, сама не зная толком почему. Сегодня мне кажется, что это было, возможно, предчувствие. Твой адрес я знала. Я часто видела, как ты подкарауливал меня с балкона. Дверь была не заперта. Я позвала тебя. Ты не отвечал, и я прошла в гостиную. И увидела тебя на диване, а рядом бутылку из-под виски и таблетки… Я сразу все поняла. И вызвала «Скорую помощь».

Она помедлила, взволнованная, заново переживая те события.

Счастье переполняло Жереми. Виктория рассказывала ему их историю, конкретные факты, подтверждавшие, что он жив и жизнь его немыслимо прекрасна.

– Когда «Скорая» приехала, ты был в состоянии клинической смерти. Лежал весь белый и очень красивый. Твое лицо выражало решимость. Я совсем растерялась. Я плакала. Звала тебя. Кричала: «Я тебя люблю!», надеясь, что, где бы ты ни был, ты услышишь мои слова. Я молила Бога вернуть тебя к жизни – это я-то, неверующая! И, наверно, Он услышал меня, потому что врачу удалось запустить твое сердце. Но ты оставался в коме до вечера. Я была рядом, когда ты очнулся. Вместе с Пьером. Он удивился, увидев, как я переживаю за тебя. Я не могла ничего ему объяснить. Говорила о своей вине, но сама знала, что дело в другом. Когда ты очнулся, то не сразу понял, что произошло. И не хотел говорить о своем поступке. Ты вообще ни слова не говорил целую неделю. Я приходила к тебе каждый день. И Пьер тоже. И однажды здесь, в больнице, я тебя поцеловала. Ты помнишь наш первый поцелуй?

Она задала этот вопрос легким тоном.

– Нет… я…

«Как я мог забыть этот поцелуй? Я так его жаждал».

– Так трудно представить, что ты этого не помнишь, – грустно сказала Виктория.

Жереми пожалел, что причинил ей боль, и попытался отвлечь ее.

– Расскажи мне об этом поцелуе. Я так мечтал о нем!

На ее лицо вернулась улыбка.

– Ну вот, мы с тобой много говорили, пока ты выздоравливал. Вернее, говорила я. Ты все больше молчал. Мне казалось, что ты совсем не знаешь меня или за что-то злишься.

– О чем ты?

Она погладила его по щеке.

– Забавно, потом мы с тобой никогда не говорили об этом времени, а теперь, из-за твоего состояния, я должна все тебе сказать. Ну вот… Ты был холоден со мной, почти равнодушен! Как будто твоя любовь умерла и с ней испарилась какая-то часть тебя. Я восприняла это как вызов и стала тебя завлекать. Хотела, чтобы ты снова в меня влюбился. И ты не устоял перед моими роковыми чарами!

Они оба засмеялись.

– Однажды я потребовала у тебя нового признания. Ты сказал мне прекрасные слова. Ну, не настолько прекрасные, как в тот раз, в парке, но все-таки… Мы целовались с тобой здесь, в больнице. И даже занимались любовью в твоей палате, номер, кажется, шестьдесят шесть. Хорошенькое место для первого раза!

Странное дело, Жереми почувствовал ревность к тому, другому себе, которого Виктория целовала и с которым пережила те волшебные минуты.

– А потом? – спросил он.

– Когда пришло время тебе выписываться из больницы, я устроила так, чтобы ты поселился у меня. Врачи говорили, что тебя нельзя оставлять одного. Вот я и вызвалась тобой заняться!

Она покраснела, обернув к нему свое задорное личико. Он улыбнулся ей.

– Через месяц ты решил отказаться от своей квартиры и окончательно переехал в мою двухкомнатную. Ты был полон планов! Как раз нашел работу…

– Какую работу?

– Ты и этого не помнишь?

– Я учился на факультете графического искусства… Оформителем? Мультипликатором?

– Нет, нет. Ты больше в руки не брал карандашей. Ты торговый представитель.

– Что? – почти выкрикнул Жереми.

– Да, и превосходный! У тебя большое будущее, тебя очень ценит начальство. Ты продаешь промышленный клей.

– Торговый представитель? Это же совсем не мое! Я никогда не умел говорить о деньгах!

– Видно, любовь тебя изменила, родной, потому что тебе уже светит повышение. Всего за несколько месяцев: это своего рода рекорд на твоем предприятии.

– С ума сойти…

Жереми окончательно растерялся от этого нового открытия.

«Торговый представитель? Не может быть! Я слишком робок для этого! Я же хотел быть художником. Я был увлечен своим делом и даже не бездарен!»

– Я думаю, не стоит продолжать тебе все это рассказывать. Ты весь вспотел, и у тебя усталый вид.

– Я хочу знать.

– Стоп! – перебила она встревоженно. – Больше я ничего не скажу! Ты слишком разволновался. А это наверняка вредно в твоем состоянии.

Он хотел возразить, но она прижалась губами к его губам. Поцелуй длился долго. Потом она высвободилась и встала. Он не выпускал ее руки. На языке у него вертелось еще множество вопросов. А родители? Как они отнеслись к его самоубийству? Очень ли на него сердиты?

– Я оставлю тебя, отдыхай. Уже поздно. Мне не разрешили остаться с тобой на ночь. Я ведь все-таки тебе не жена!

– Скоро ты ею станешь, – отозвался он слабым голосом.

– Тсс… Я мечтаю о более романтичном предложении, и место можно выбрать более… приятное. Пусть в первый раз мы были вместе в больнице, это не значит, что здесь должны происходить все главные события в нашей жизни!

Виктория рассмеялась и наклонилась его поцеловать.

– Я приду завтра утром. Надеюсь, тебе уже будет лучше, – шепнула она.

Когда Виктория вышла, Жереми вдруг понял, что в палате совсем темно. Холод волной захлестнул его, хотя он обливался потом. Он хотел сесть, но обнаружил, что тело не повинуется ему. Дышать стало трудно.

«Сердечный приступ», – подумал он и тщетно попытался собраться с мыслями. Он как наяву увидел сцены, которые описывала ему Виктория, и даже, кажется, ощутил во рту вкус виски. Капли пота текли по его лицу. Он хотел позвать на помощь, но не смог издать ни звука, стал искать кнопку звонка и не нашел. Зрение его помутилось. Он широко раскрыл глаза, боясь, что они закроются навсегда. Смерть? Нет! Не сейчас! Не теперь, когда его жизнь обрела смысл!

Он услышал странный голос, глухой и заунывный, зазвучавший где-то слева от его кровати. Он оглянулся и там, совсем рядом, увидел старика. С белой бородой, в темном костюме. Глаза его были закрыты, тело мерно раскачивалось. Он читал кадиш – поминальную молитву, которую читают евреи, чтобы укрепиться в незыблемости своей веры. Молитву об усопших, воспевающую красоту жизни. «Да возвысится и освятится Его великое имя в мире, сотворенном по воле Его…»

Старик твердо чеканил каждое слово, словно заклиная незримую силу. Голос его был скорбным стоном. Жереми испуганно уставился на него. Он вспомнил своих родителей, и ему захотелось, чтобы они были рядом. Он снова стал маленьким мальчиком, оцепеневшим от страха после кошмарного сна. Как в те ночи, когда умерла сестренка. Где же они? Может быть, тоже умерли от горя после его самоубийства? Они так его любили! Как он мог причинить им такую боль? «Мама!» – хотел крикнуть он, но из перехваченного горла вырвался только глухой хрип.

Старик дочитал молитву и подошел к нему. Он смотрел на него с мучительной болью. Его лицо было совсем близко. Жереми невольно устремил взгляд в его глаза, полные печали. Кожа у него была обветренная, морщинистая и тонкая, как бумага. Губы шевелились, произнося неслышные слова. Потом старик нагнулся еще ниже, и Жереми его услышал.

– Не надо было! – говорил он, и каждое слово звучало как жалоба. – Нет, не надо было! Жизнь, жизнь, жизнь.

Он заплакал, повторяя это слово все громче, душераздирающим голосом.

– ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ…

И Жереми увидел, как слеза, скатившись, отделилась от лица, упала на его руку и обожгла ее в том месте, где коснулась.

Эта боль была последним, что он почувствовал.

Глава 3

Жереми, наверно, спал слишком долго. Он лежал в блаженном оцепенении, и ему было хорошо. Вскоре всплыли воспоминания о вчерашнем: как он силился дышать, как не мог пошевелиться, как появился старик, как он плакал и что говорил. Ему даже показалось, что он чувствует боль от ожога на руке.

До него донесся какой-то тихий писк. Страх подстегнул сознание, и Жереми открыл глаза, ожидая увидеть старика. Он резко сел и заморгал от вспышки света.

Он был уже не в больнице, а в комнате, той самой, где проснулся в прошлый раз.

Писк прекратился.

Жереми осмотрел себя, пытаясь понять, как оказался в этой кровати, и вдруг замер. На безымянном пальце левой руки блеснуло в утреннем свете обручальное кольцо.

«Что это значит? Где Виктория?»

Он позвал ее слабым голосом. Снова послышался писк.

Он позвал еще раз, громче. На миг воцарилась полная тишина. А потом пронзительный крик, где-то справа, совсем рядом, заставил его вздрогнуть. В нескольких сантиметрах от него, в плетеной колыбельке, корчился младенец – он-то и издавал этот сердитый крик. Багровый от натуги, он вопил во всю мочь, со всхлипом переводил дыхание и ревел еще громче. Жереми оторопел, чувствуя себя одновременно актером и зрителем непонятной сцены.

«Откуда взялся младенец?»

Звонок нарушил мерный ритм детского плача. Он стал искать телефон, используя мгновения, пока ребенок переводил дух. Телефон прозвонил уже четыре или пять раз, когда он нашел его.

– Жереми? (Это был голос Виктории.) Да что там у вам происходит? Почему он плачет? Ему еще не время!

– Я не знаю, – пробормотал Жереми. – Где ты?

– Что?

– Где ты?

Он почти проорал это, чтобы до нее докричаться, и рев младенца усилился.

– Не кричи так, ты его пугаешь! – запротестовала Виктория. – Я в фитнес-клубе, только что закончила. О-ля-ля, надо его успокоить, маленькое чудовище! Приложи телефон к его уху.

Жереми повиновался, ничего не понимая. Он не слышал, что говорила Виктория, но младенец угомонился. Глаза его, казалось, искали источник голоса. Он наконец умолк, еще судорожно всхлипывая, и багровое личико постепенно светлело.

Жереми снова взял телефон.

– Вот! – воскликнула Виктория удовлетворенно. – Голос мамочки его успокоил. Если он опять заплачет, возьми его на руки. Я вернусь через десять минут. С днем рождения, любимый.

Жереми показалось, что он сходит с ума. Виктория отключилась, а он так и стоял на еще непослушных ногах, не сводя глаз с телефонной трубки.

«Опять тот же кошмар. Я просыпаюсь в день моего рождения, и часть моей жизни мне незнакома. На этот раз я женат, у меня ребенок. Это какой-то фарс!»

Младенец снова заплакал, оторвав Жереми от его мыслей. Этот рев раздражал его, мешал спокойно обмозговать это новое потрясение. Взять ребенка на руки он не решался.

– На кой черт мне этот сосунок? – проворчал он вслух и тут же пожалел о своей агрессивности. – Я ведь даже не знаю, как взять младенца.

Он приподнял ребенка. Крошечная головка резко откинулась назад. Вспомнив советы, которые когда-то слышал, он подложил ладонь под его затылок, поддерживая. Прислонил его к своему плечу, чувствуя пальцами, как маленькое тельце напрягается с каждым криком. Нерешительным шагом он прошел несколько метров, отделявших кроватку от ванной. Ребенок успокоился. Тут Жереми вспомнил про электронный календарь и направился к стене. Фотографию Эссуэйры сменил вид склонов холма Круа-Русс в Лионе. Там он провел первые годы своей жизни, когда его родители покинули Марокко. Число и месяц были те же, но год другой. 8 мая 2004-го.

«Два года! Два года прошло с моей госпитализации! Два года, о которых я ничего не помню! Еще два года улетучились!»

Слезы потекли по его щекам, они брызнули сами собой, словно смывая ком, набухавший в желудке. В эту минуту в замке входной двери повернулся ключ. Вошла Виктория. Она изменилась. Волосы были короче, стрижка «каре» преобразила лицо. Она расцвела, стала более округлой, более женственной. И еще красивее, чем прежде.

– Привет, мои хорошие! – весело поздоровалась она.

Жереми отвернулся и вытер глаза краем распашонки.

Виктория подошла и поцеловала ребенка в лобик.

– Что с тобой? Ты что, плакал?

Надо ли говорить ей о новом приступе? Ему показалось, что разумнее будет подождать, попытаться самому понять, что с ним происходит.

Он слабо улыбнулся.

– Я не плачу. Это… малыш. Слезами намочил мне щеки.

Виктория выразила свое удивление легкой гримаской. Потом перевела взгляд на ребенка и преобразилась.

– Ну что, сердечко мое, ты звал мамочку?

Она взяла младенца на руки и нежно прижала к груди.

– Так-то ты поздравляешь с днем рождения своего папочку?

Она повернулась к Жереми, протянула ему губы.

– С днем рождения, любимый.

И тут же снова принялась тетешкать сына.

Жереми умилился. Виктория – такая славная мамочка. Его жена. У них родился ребенок. Сын. Он больше не мальчишка, потерявший голову от любви, но муж и отец. Ситуация пока не укладывалась у него в голове, но такая действительность ему подходила.

«Если я болен, то вылечусь», – убеждал он себя.

– Сейчас папочка покормит тебя молочком. А я пойду готовить обед для наших гостей.

Она, не спрашивая, передала ему ребенка и протянула бутылочку с соской. Хрупкость этого крошечного существа взволновала его. Малыш был такой легкий, такой уязвимый. От прикосновения маленького тельца потеплело на душе. Он поднес соску к ротику ребенка.

– Какой ты неловкий, Жереми! – сказала Виктория, поправляя его руку. Наклони бутылочку, вот так, и поверни соску, не то он захлебнется. Можно подумать, ты в первый раз его кормишь! Ты не находишь, что он все больше похож на тебя? – добавила она и ушла в кухню.

Жереми смотрел, как ребенок жадно сосет молоко: светлые глазки, точеные черты, тонкий носик. Он походил скорее на Викторию.

Мысль о том, что у него есть сын, глубоко всколыхнула его. Он чувствовал себя таким молодым. Всего несколько дней назад он сам был только сыном…

Жереми подумал о своих родителях. Он не видел их с тех пор, как… так давно.

Виктория окликнула его из кухни, прервав его размышления.

– Он поел?

Да, ребенок высосал всю бутылочку и, наевшись, задремал.

Жереми не отвечал, и Виктория появилась в дверях гостиной.

– Дай его мне теперь, я его уложу.

Несколько раз поцеловав малыша в лобик, она уложила его в корзину и заботливо укрыла.

– Я на кухню. Поможешь мне?

Он с любопытством последовал за ней.

– Когда выпьешь кофе, помоги мне чистить овощи. Я приготовлю только закуску. Остальное заказала на дом из ресторана.

– Да, конечно, – ответил Жереми.

Простота этой сцены тронула его. Он начал испытывать удовлетворение, вот так запросто войдя в быт, где у него были место и роль, жена и ребенок. Он был счастлив оказаться в этой домашней обстановке, в этой кухне, где пахло стряпней и кофе. Он смотрел на разложенные на столе овощи, на дымящуюся чашку, початый батон, открытую пачку масла. Ему вдруг сильно захотелось есть. Ощущение колоссальной пустоты, сосущее и какое-то лихорадочное, распространялось из желудка по всему телу теплыми волнами и легкими содроганиями. Он вспомнил, что уже испытывал такое, когда был моложе. Чувство утраты равновесия, потери контроля, с примесью предвкушения, когда он знал, что беспокойство скоро вытеснит удовольствие от обильной, горячей и сладкой еды.

Он взял хлеб, отрезал кусок, густо намазал маслом и жадно укусил. Затем отхлебнул обжигающего, сладкого кофе и, проглотив, зажмурился от наслаждения.

Виктория рассмеялась.

– Ты так сильно проголодался? Можно подумать, ты не ел уже…

«Два года», – захотелось ему ответить, но он удержался и снова откусил от бутерброда.

Утолив первый голод, он решился приступить к расспросам:

– Кто придет к обеду?

– А ты уже не помнишь?

Он смутился.

«Она намекает на мою болезнь? Неужели мне часто случается забывать?»

– Ну, к обеду будут Пьер и Клотильда. Потом, конечно, на кофе пожалует твой босс, он придет после гольфа, да, его светлость играет в гольф. Ты очень хотел его пригласить, что ж, это твой день рождения… А вечером… Как насчет ужина влюбленных, только вдвоем?

– Да… конечно… отличная мысль, – выдавил из себя Жереми.

– Мне бы хотелось куда-нибудь пойти, в ресторан, но я еще не готова доверить Тома постороннему человеку. Мы еще успеем попраздновать. А пока будем ответственными родителями! – улыбнулась она.

Тут, воспользовавшись случаем, он задал вопрос, не дававший ему покоя:

– А мои родители, они разве не приглашены?

Она замерла и посмотрела на него изумленно.

– Ты шутишь?

Ее реакция ошеломила его. Что удивительного – пригласить родителей на свой день рождения? Он думал о них только что и горел желанием с ними повидаться. Жереми поднес к губам чашку, чтобы дать себе время подумать. Первое, что пришло ему в голову, – Виктория с ними не ладит. От второй мысли он оцепенел. Неужели они?..

Виктория все еще смотрела на него выжидательно.

– А почему бы мне их не пригласить? – сказал он, страшась ее ответа.

– Почему? – изумленно повторила Виктория. – Ты не разговариваешь с ними три года, а сегодня вдруг удивляешься, что они не приглашены?

Он выдохнул. Значит, они живы! Но облегчение длилось лишь долю секунды: слова Виктории отозвались в нем новой болью.

«Мы в ссоре? Три года? Не может быть! Мы никогда не ссорились!»

Они всегда были дружной семьей. Никаких склок, никаких скандалов. Семья, сплоченная любовью, да и общим горем.

Родители купили бар через два месяца после рождения Жереми. Эта маленькая забегаловка почти не оставляла им свободного времени. Мать работала, пока он был в школе. Отец же почти не бывал дома. Бар занимал его целиком. Он возвращался поздно вечером усталый и отдыхал перед телевизором, стараясь не думать о том, что завтрашний день будет похож на уходящий и на все грядущие. Жереми был бы рад болтать с ним, забраться к нему на колени, но отец такого поведения не поощрял. В их доме вообще разговаривали мало, взгляды и улыбки заменяли слова. В этой тишине Жереми порой казалось, будто он слышит дыхание сестренки. Она, конечно, была с ними, притаившись в тени их жизней. Ее звали Анна, и родилась она через год после него. Когда ей исполнилось четыре месяца, мать нашла ее в кроватке мертвой, а рядом Жереми в слезах. Она оставила их ненадолго, чтобы сбегать в магазин. «Внезапная смерть

новорожденного», – сказал врач, дав имя тайне, которую не в силах был объяснить. Потом Жереми говорил об этом с матерью лишь однажды. Ему было восемь лет. Его учительница, удивленная поведением ребенка, слишком, по ее мнению, тихого и молчаливого, посоветовала мадам Делег отвести сына к психологу. После этого визита она и рассказала ему, обливаясь слезами, о той сцене. «Я помню, мама», – прошептал он. Когда мать, ошеломленная, попросила пояснить, что он имеет в виду, он не нашелся, что ответить. Он знал – и все.

– Ты не виноват. Ты был рядом, видел, что произошло, больше ничего, – поспешила она объяснить.

Что скрывать, порой в нежности матери, в молчании отца ему чудился как бы отголосок упрека. Но любовь, которой они его окружали, успокаивала его страхи. И в конечном счете эта утрата, эта затаенная боль, слезы, которые проливала мать каждый год в один и тот же день, подобно цементу скрепили их любовь.

Так как же сейчас он мог с ними не разговаривать? Эта мысль возмущала его до глубины души.

– Я хочу их видеть!

Виктория ошеломленно уставилась на него.

– Ты ни разу их не навестил, даже не отвечал на их звонки, ты не захотел показать им Тома, и вдруг сегодня с утра ты встаешь и говоришь, что хочешь пригласить их на свой день рождения?

Его ужаснула вкратце обрисованная Викторией ситуация. Он-то уже начал убеждать себя, что живет настоящей жизнью, вернувшись из путешествия в небытие, но теперь у него появились причины в этом усомниться.

– Как тебе объяснить… Да, я действительно хотел бы. Тебе неприятно? – промямлил он.

Виктория усмехнулась.

– Не путай роли! Я-то всегда хотела поддерживать с ними нормальные отношения. Но ты и слушать ничего не желал. А я ведь не раз пробовала тебя переубедить. Пыталась с тобой говорить, даже писала тебе об этом…

Жереми решил положить конец бессмысленной полемике.

– Ты была права… – проговорил он, запинаясь. – Это мои родители, зря я так себя вел, и… я хочу с ними увидеться.

– Ты правда сегодня какой-то странный. Но тем лучше. Я сейчас же им позвоню… Пока ты не передумал! – добавила она и вышла.

Он остался в кухне и слышал, как она говорит по телефону.

Ему стало горько. Как он мог не разговаривать со своими родителями три года? Разве мало им было горя от его самоубийства? Какая черная неблагодарность! В тот день он думал только о себе. Он считал, что его жизнь принадлежит ему одному, что он – планета, затерянная в холодном космосе. А когда в бреду ему явились родители, указывая на всю низость его решения, он прогнал их из головы, чтобы не дать слабину.

До сих пор он воспринимал свою попытку самоубийства скорее положительно: не она ли помогла ему завоевать сердце Виктории? Он трусливо избегал суждений, которые заставили бы его признать всю низость своего поступка. Да, наверно, он эгоистичный, глупый, недобрый.

Его рассудок туманился, и только телефонный разговор за стеной удерживал его в действительности.

Вошла Виктория.

– Ну вот! Твоя мама удивилась еще больше, чем я. Кажется, даже заплакала. Она придет к обеду. Познакомишь ее с Клотильдой и Пьером, они ее не знают.

– Она? А отец?

Виктория поджала губы.

– Она сказала, что для него это слишком скоро. Она попытается его уговорить, но вряд ли.

Виктория вышла в магазин. Ребенок спал. Жереми решил, воспользовавшись этим, осмотреть квартиру в поисках сведений о своем прошлом.

Он открыл большой белый шкаф напротив кровати. В нем оказалось много костюмов, рубашки, галстуки. Вся одежда была исключительно дорогих марок. Он заметил портфель, стоявший возле стула в прихожей. На нем были его инициалы – Ж.Д. Внутри он нашел ежедневник, несколько папок, карту автостоянки и счета. В ежедневнике – программа на неделю: совещания в дирекции, в отделе, с рекламщиками, деловые встречи в Париже и окрестностях. Во вторник он обедал с Пьером. В четверг тоже. Пьер, его лучший друг. Еще какие-то имена были записаны на время обеда, а иногда и ужина, но они ничего ему не говорили. В папках были его заказы. На визитной карточке он прочел: «Жереми Делег. Торговый представитель, Иль-де-Франс».

Он пролистал тонкую брошюрку. Это был рекламный буклет предприятия, на котором он работал, и его продукции, различных марок клея, в применении которых он ничего не понял.

Все это никак ему не помогло. Наоборот, он ощутил странное чувство вины, как будто подглядывал за чужой жизнью.

«Надо посмотреть фотографии! Они расскажут мне об этих улетучившихся годах, может быть, дадут какие-то зацепки!»

Жереми сразу нашел три альбома на книжной полке.

На первом стояла дата – 2001, – написанная золотым шрифтом на обложке из искусственной кожи.

Каждая из фотографий, сделанных в первый год его жизни с Викторией, была подписана изящным почерком. Первый снимок удивил его. На нем он был усталый, осунувшийся, с тусклым взглядом. Виктория сидела у него на коленях и нежно обнимала его. Она – счастливая и улыбающаяся. Он – грустный и

поникший. Контраст бросался в глаза. Судя по дате, фотография была сделана через несколько дней после больницы.

Он стал листать альбом. Чем дальше, тем больше собственный образ обретал для него жизнь и краски. Очень помогали подписи. «Монастир, наш первый отпуск», «Люберон, уик-энд», «Мой день рождения», «Новый год»… Он увидел многих людей, с которыми явно был очень близок, но все они были ему незнакомы.

Его внимание привлек снимок, где он стоял один, как потерянный. У него был странный взгляд. Жереми всмотрелся: глаза казались пустыми и совсем непохожими на те, что он видел на других снимках. Он вернулся к первым страницам, чтобы проверить, и с удивлением обнаружил, что на всех фотографиях, даже когда лицо у него веселое, взгляд все тот же. Словно две черные пуговицы на плюшевом лице. Но он сказал себе, что всем, кто пристально всматривается в собственные фотографии, знакомо это странное чувство. Когда-то ему случалось смотреть на себя в зеркало, повторяя собственное имя. Через несколько минут его лицо становилось чужим, сплавом отвлеченной плоти, незнакомых черт и его имени, череды ничего не значащих слогов и букв.

Второй альбом, как сообщало заглавие, был посвящен его свадьбе.

Он и Виктория в мэрии, она в великолепном белом платье, традиционном и элегантном, он в сером костюме, белой рубашке и антрацитового цвета галстуке. Оба улыбались гостям, обнимали их, смеялись. Своих родителей он не увидел, и сердце его сжалось. Он поискал снимки церковного венчания, но не нашел. Очевидно, они только расписались.

«Наша семья» – так назывался третий альбом.

Он начинался с нескольких снимков беременной Виктории. Она округлилась, и это ей очень шло. Все менялось, менялись люди, которых он любил, менялся мир, а он, Жереми, оставался прежним.

Потом пошли фотографии ребенка. На первом новорожденный младенец терялся на голубом фоне слишком большой для него распашонки. Подпись гласила: «Мой принц Тома». На других снимках он был запечатлен в разных

положениях и костюмчиках. На некоторых и Жереми играл роль отца, держал ребенка на руках или кормил из бутылочки.

Он захлопнул альбом; голова шла кругом. Ни одна из этих фотографий не пробудила в нем воспоминаний. Он смотрел на них с тем же тревожным любопытством, как если бы проник в личные тайны брата-близнеца, которого не знал. Это была не его жизнь.

«Что же делать? Рассказать Виктории об этой новой амнезии? Ждать и надеяться на выздоровление? В конце концов, судя по этим снимкам, после прошлого приступа я нормально жил».

Он не слышал, как вошла Виктория.

– Да ты еще не одет? Ну-ка быстро! Уже почти полдень. Гости скоро придут.

И Жереми послушно направился в ванную.

Клотильда оказалась женщиной красивой и совершенно несносной, ее красота была холодной, самоуверенной. Кривляка с претензиями. Значение имели только ее чувства и мнения, остальных она слушала вполуха. Жереми она не понравилась. Пара, которую они составляли с Пьером, похоже, строилась на негласном договоре. В награду за ее красоту Пьер позволял ей изображать из себя интеллектуалку. Порой от какого-то слова или жеста Клотильды волна смущения туманила взгляд или улыбку Пьера, но он, тотчас овладев собой, вновь смотрел на нее с любовью.

Жереми удивило, что Виктория выказывает Клотильде столько знаков дружеского расположения. Они были такие разные.

Они уже минут двадцать сидели на диване. Виктория подала аперитив и, не спрашивая, вложила в руку Жереми стакан виски.

Пьер тепло обнял его, войдя. «С днем рождения, брат!» Он протянул ему бутылку вина. «Твое любимое». Клотильда подставила ему щеки для поцелуя, ничего не добавив.

Разговор шел теперь о днях рождения и других праздниках. Клотильда, с помощью самых банальных доводов, доказывала, что все они – только повод поесть и выпить.

Жереми был бы рад насладиться этими минутами, но его продолжали мучить вопросы.

– Милый, – обратилась к нему Виктория, – ты не сходишь за Тома? Кажется, он проснулся.

– Да-да, – подхватил Пьер. – Наверно, соскучился по крестному!

Тома вздрогнул, когда увидел Жереми над своей колыбелькой. Отец и сын смотрели друг на друга с одинаковым любопытством. Каждый, казалось, безмолвно вопрошал другого. Жереми внимательно вглядывался в мимику ребенка, в его черты, в живые глазки, которые словно просили взять его на руки. Он пытался войти в реальную действительность через эту зарождающуюся любовь. «Это мое. Мой сын».

Жереми неловко поднял его и, боясь повредить, крепко прижал к себе. Как и в первый раз, от этого прикосновения на душе потеплело.

– А, вот и они! – воскликнула Виктория. – Хороши, правда?

– Тома чудо как хорош! О Жереми я бы этого не сказал, – смеясь, отозвался Пьер.

Он протянул руки.

– Смотри, он хочет к крестному. Узнал меня!

Жереми смотрел, как Виктория и Пьер развлекают младенца гримасами и бессмысленным лепетом. Клотильда ограничилась подобающей случаю улыбкой. Он даже отметил легкое раздражение столь инфантильным поведением жениха. Она встретилась с Жереми взглядом и не отводила глаз так долго, что он не выдержал и отвернулся.

«Что она так на меня уставилась?» Этот холодный испытующий взгляд ему не нравился. Ему захотелось заставить ее опустить глаза, и он, резко повернувшись к ней, сказал:

– Хочешь взять его на руки?

От неожиданности она растерялась:

– Э-э, нет, спасибо…

Довольный, что смутил ее, Жереми решил развить свое преимущество.

– Ты, похоже, не очень-то любишь детей, – заявил он с вызовом.

Повисло тягостное молчание. Виктория ошеломленно уставилась на Жереми. Он понял, что допустил промах. Пьер, который сначала следил за реакцией своей подруги, попытался скрыть замешательство, улыбаясь завозившемуся ребенку. Клотильда, стиснув зубы, продолжала смотреть на Жереми со сдерживаемой яростью.

Все, казалось, ждали его извинений.

– Извините меня. Я что-то устал, – выдавил он из себя без особого убеждения.

Виктория встряхнулась и сказала, что ей надо закончить с обедом. Встав, она устремила на Жереми взгляд, сосредоточив в нем весь гнев, который не могла ему высказать вслух.

– Клотильда, пойдем со мной, поможешь мне принести тосты.

Клотильда последовала за ней.

Пьер сидел, не поднимая головы.

– Зачем ты это сказал, Жереми?

Жереми смутил как вопрос, так и сокрушенный вид Пьера. Он был взволнован. Но, собственно, чем?

– Не знаю. Я просто устал, вот и все.

– Ты в курсе, что у нас не получается завести ребенка, и говоришь ей такое!

В его голосе не было злости, только отчаянное желание понять.

Жереми стало стыдно.

– Мне очень жаль… Я идиот…

– Да, ты идиот. Но это не дает тебе права…

Раздался звонок в дверь. Клотильда и Виктория вернулись в комнату. Виктория оглянулась на Жереми, но, увидев, что он сидит, словно окаменев, сама направилась к двери.

– Это, наверно, твоя мама.

Со своего места Жереми не мог видеть прихожей. Он услышал голоса и крепче прижал к себе Тома. Когда в дверях появилась его мать, одна, сердце у него так и подпрыгнуло. Она положила сумку и стояла неподвижно, в упор глядя на него.

Он нашел ее усталой, постаревшей, и это его неприятно кольнуло. Всего несколько дней назад, казалось ему, он оставил ее еще красивой, крепкой, любящей – и вот она перед ним ослабевшая и какая-то чужая. По строгому коричневому костюму и бежевой блузке он узнал вкус матери к скромной и элегантной одежде.

– Познакомьтесь, это Клотильда и ее жених Пьер, – сказала Виктория, – наши близкие друзья. А это мама Жереми, мадам Делег.

– Зовите меня Мириам.

Пьер и Клотильда подошли, чтобы пожать ей руку. Мириам вежливо улыбнулась им и снова повернулась к сыну.

Все очень старались держаться непринужденно, но усилия были слишком явны, и атмосфера стала тягостной.

– Мы вас оставим, – продолжала Виктория. – Пьер, Клотильда, вы оба мне нужны, поможете накрыть на стол.

Она подошла к Жереми, чтобы взять у него ребенка.

Он покачал головой. Ему показалось, что малыш может сыграть важную роль в том, что ему сейчас предстояло.

– Здравствуй, мама, – пробормотал он.

– Здравствуй, Жереми.

Голос ее был спокойным, степенным, однако в нем можно было различить сдерживаемое волнение.

– Папа… не пришел, – отметил Жереми.

– Для него еще слишком рано.

– Я понимаю. А ты?..

– Я?

Она улыбнулась горько и устало. Их глаза силились выразить все чувства, накопившиеся за годы разлуки. Ей хотелось быть суровее или, по крайней мере, сдержаннее еще немного, но плотина обиды уже поддавалась под напором эмоций.

«Она сердится на меня. Хочет дать мне понять, какую боль я им причинил».

Тома замахал ручонками и попытался повернуться к новой гостье.

Когда глаза ребенка устремились на нее, она прервала безмолвный диалог и сразу переменилась. Лицо ее стало ласковым, улыбка, полная бесконечной нежности, заиграла на губах, в уголках которых залегли морщинки.

– Смотри, я думаю, он знает, кто ты. Родная кровь.

– Родная кровь? Как странно. Иногда эти ценности перескакивают через поколение! – отозвалась она и печально улыбнулась.

Это замечание больно кольнуло его. Но он понял, что дальше она не пойдет. Это был последний выпад, спасающий честь после слишком скорой капитуляции.

– Он такой милый. Осторожней, ты неправильно его держишь. У него шейка заболит.

Она тихонько приблизилась.

– Иди сюда, сядь со мной и возьми его на руки.

Мать уже протягивала руки, чтобы принять ребенка.

Сидя рядом с Жереми, она держала Тома лицом к себе и улыбалась счастливой улыбкой.

Жереми чувствовал ее запах. Запах его детства. Смесь лавандовой воды и кондиционера для белья. Запах добродетельной честности.

Ему захотелось броситься к ее ногам, умолять о прощении, обнять ее.

– Мама… я… я не понимаю, как мог вас…

Но что он мог сказать, чтобы облегчить боль раненой любви? Слова теснились в горле.

– Я люблю тебя, мама.

Она напряглась, но сделала вид, будто не услышала, и продолжала улыбаться ребенку.

– Он такой славный. Мне так хотелось с ним познакомиться. Я ведь как-никак его бабушка.

Голос ее сорвался. В глазах блеснули слезы. Она приблизила личико ребенка к своему лицу и поцеловала, словно прячась за ним.

Жереми растерялся.

– Мне так жаль, что я причинил вам боль, тебе и папе. Это был не я! Я просто не узнаю себя во всем этом. Я так вас люблю.

Мать подняла на него мокрые глаза, продолжая целовать короткими поцелуями лобик Тома.

– Мы никогда не сомневались, что все делаем во благо, поверь мне, Жереми.

– Вы тут ни при чем. Как я мог заставить вас жить с сознанием вины? Это не вы, мама! Это отчаяние растерянного мальчишки. Я был влюблен в Викторию. Безумно влюблен. Она не обращала на меня внимания. А я не хотел жить без нее! Я знаю, это смешно, что я так говорю. Но самоубийство всегда смешно, пока его не совершишь. Оно существует только за секунду, за минуту до поступка. В этот момент оно гибельно. Вашей вины тут не было. Об остальном, о том, что происходило после, я не знаю, что и сказать. Наверно, это безумие продолжалось. Или, может быть, мне было стыдно. Я правда не могу объяснить…

– А почему ты захотел увидеть нас сегодня?

– Понятия не имею! Мне просто кажется, что я снова стал собой.

Он осознал, как странно прозвучало его объяснение.

– Я была так счастлива, что Виктория позвонила, – сказала она, улыбаясь сквозь слезы.

– А я так счастлив, что ты согласилась прийти. Но папа…

– Ему нужно время. Мать прощает быстрее.

Он обнял ее одной рукой за плечи и прижал к себе. Тома засыпал у нее на руках.

– Я чувствую, что буду безумной бабушкой, – сказала она, глядя на его сонное личико.

В дверях появилась Виктория. Увидев их прижавшимися друг к другу, она решилась войти.

– Я ужасно рада видеть вас вот так, – улыбнулась она и, подмигнув Жереми, весело продолжила: – Ну же, вставайте, будем обедать.

Жереми встал, взял мать за руку и помог ей подняться. Он привлек ее к себе и крепко обнял. Зарылся лицом в ее волосы, вдохнул их запах.

Честность, добродетельная честность.

Обед проходил в делано непринужденной атмосфере. Клотильда, похоже, все еще сердилась. Жереми с матерью то и дело быстро переглядывались, словно говоря друг другу, как они рады быть вместе. Жереми с трудом вникал в слова друзей и жены. Частые отсылки к общим воспоминаниям делали их болтовню непонятной.

После обеда они остались в гостиной. Разговор крутился вокруг Тома. Вскоре Клотильда, пожаловавшись на головную боль, собралась домой. Пьер предложил проводить ее, но она отказалась.

– Оставайся! Все-таки день рождения твоего лучшего друга! – насмешливо фыркнула она, извинилась перед Викторией и мадам Делег и, сухо чмокнув Жереми в щеку, ушла.

Мадам Делег сказала, что ей тоже пора.

– Твой отец, наверно, ждет меня, хочет узнать… Но я еще приду. Теперь, когда я вновь обрела сына… И внука…

– Вы всегда будете желанными гостями, ты и папа.

Жереми обнял мать. Она отстранилась, чтобы лучше разглядеть его лицо, погладила его по щеке и поцеловала. Потом повернулась к Виктории:

– Спасибо… Спасибо за все.

Они тепло расцеловались.

– Можно мне фотографию малыша? – робко попросила мадам Делег. – Мужу будет приятно. Я поставлю ее на буфет в гостиной. Так ведь поступают все бабушки, правда?

Когда за ней закрылась дверь, Виктория подошла к Жереми.

– Ты счастлив? – спросила она, обнимая его.

– Да, я так хотел ее увидеть, – ответил он, улыбаясь с нежностью.

– Не верю своим ушам! – сказала Виктория, обращаясь к Пьеру.

Тот сидел на диване с хмурым видом.

– Ты какой-то странный с утра. Сначала требуешь своих родителей и удивляешься, что они не приглашены. Потом ни с того ни с сего обижаешь Клотильду. Потом молчишь весь обед.

Жереми опустился в кресло и обхватил голову руками.

– Я опять потерял память.

Оба ошеломленно уставились на него.

– Ты шутишь? – воскликнула Виктория.

– Нет, я ничего не помню.

– Как это – ничего? – не понял Пьер.

– Как в прошлый раз.

Он поднял голову и увидел их ошарашенные взгляды.

– Прошлый раз – это для тебя когда? – спросил Пьер.

– Если я правильно понял ситуацию, два года назад.

– Что ты помнишь с тех пор?

– Ничего. Абсолютно ничего.

– А до того?

– Я помню все, что было до моей попытки самоубийства, и потом – день, когда у меня случился первый… приступ. Ничего в промежутке и ничего после.

Виктория опустилась на диван рядом с Пьером.

– Ты серьезно? Не плети небылиц, чтобы оправдать свое поведение!

– Ничего я не плету, я как будто потерялся. Я не знаю, почему поссорился с родителями. Не знаю, что происходит у Клотильды и Пьера. Не понимаю ваших

разговоров. Утром, проснувшись, я не знал, чей это ребенок. Мой сын! А я даже не помню нашей свадьбы, Виктория. Я чувствую себя опустошенным, таким опустошенным…

Жереми бессильно откинулся на спинку кресла.

– Черт! – воскликнул Пьер и вскочил. – Этого не может быть! Опять начинается! Врачи же сказали…

Виктория перебила его:

– Ничего они не сказали. Они сами ничего не поняли. «Эмоциональный шок». Все только это и твердили.

– Что было на следующий день после того, как меня положили в больницу? – спросил Жереми. – Я помню, что уснул в больничной палате. Мне было очень плохо. Я бредил.

– На следующий день ты вспомнил все, – ответил Пьер. – Кроме того, что было накануне. Такая вот избирательная амнезия. Врачи хотели тебя еще подержать, но ты отказался. Вышел на работу и больше никогда об этом не заговаривал.

– Они хотели тебя понаблюдать, – подхватила Виктория. – Но ты не ходил к специалистам, когда я тебя записывала. А поскольку все было в порядке, я и не настаивала.

– А в мой день рождения в прошлом году?

– Ты был в норме. Мы опасались рецидива. Врачи посоветовали поберечь тебя накануне, не оставлять одного, запретить спиртное. И все прошло хорошо.

Повисло напряженное, тревожное молчание.

– Надо опять в больницу, – предложила Виктория. – Это единственный выход.

– Нет, я не хочу. Если в прошлый раз они не поняли, что со мной, вряд ли сегодня будет иначе.

– Он прав, – согласился Пьер. – Они ни на что не способны. Сделают из него подопытного кролика, и больше ничего.

– Вы можете предложить что-нибудь получше? – с раздражением спросила Виктория.

– Возможно, мы могли бы рассказать тебе о том, что имело для тебя значение, показать места, в которых ты бывал? – подал идею Пьер.

– Сомневаюсь, что это поможет. Если даже встреча с мамой ничего во мне не пробудила…

– В чем-то ты прав, – кивнул Пьер. – Но в таких вещах нет никакой логики. Может быть, какой-нибудь пустяк, мелочь вызовет реакцию…

– Для начала отменим запланированное на сегодня, – предложил Жереми. – У меня нет больше сил притворяться.

– Ты прав, – решил Пьер. – Прикинь, если твой патрон увидит тебя в этом состоянии… мнемонического отрыва, он может усомниться в твоей надежности. Как раз когда тебе светит повышение…

– Что мне ему сказать? – спросила Виктория.

– Скажи, что у Жереми гастрит. Это проще всего. Не надо ничего объяснять и вполне правдоподобно.

Виктория пошла звонить.

Пьер сел рядом с Жереми и похлопал его по бедру.

– Слушай, ничего страшного не случилось. Если это как в прошлый раз, завтра память к тебе вернется, и… все будет забыто.

– Очень смешно.

– Говори себе, что это только вопрос времени. Ты как будто в дурном сне. Завтра утром проснешься, и он кончится. Все будет хорошо.

– Только я забуду этот разговор и буду знать, что болезнь может вернуться в любую минуту.

– Надо бы все-таки понять, что это… за болезнь.

– Очень трудно просыпаться в таком состоянии. От меня ускользает смысл моей жизни. Меня как будто разрезали на кусочки и разбросали их повсюду. Я восстановил несколько деталей головоломки, но они не соответствуют модели, которую мне показывают, чтобы помочь.

– Я что-то не улавливаю.

– Я не узнаю себя в человеке, которого вы описываете, с которым вы имели дело каждый день. Я люблю моих родителей, я не злой, разве что немного беспомощный. У меня нет коммерческой жилки, я скорее артист. Я не люблю спиртное… Как можно воссоздать память из кусочков человека, которые на этого человека не похожи? Вот скажи мне, каким меня видишь ты?

Пьер смущенно засмеялся.

– Ты тот еще фрукт! Пьяница, скандалист и так далее… – Он приобнял его за плечо. – Но ты хороший человек. Ты мой друг.

– Этот аргумент меня мало утешает, – шутливо отозвался Жереми. – Скажи мне положа руку на сердце, каким ты меня видишь каждый день?

– Это что, игра в правду? – лукаво спросил Пьер. – Ты человек решительный, волевой. Любитель удовольствий. Ты любишь жизнь и умеешь ею наслаждаться, как никто. Любишь хорошие рестораны, марочные вина, виски двенадцатилетней выдержки, оживленные разговоры, политику, свою работу, футбол, вечеринки с друзьями, отпуска, дорогие машины… Не любишь зануд, пустомель, своих сослуживцев, светской жизни, вегетарианской кухни, религии в целом и отдельных религий, в общем, всего, что кажется тебе пустой тратой времени и мешает наслаждаться жизнью.

– Я не узнаю себя в этом портрете, – ошеломленно признался Жереми. – А Виктория?

– Виктория? Она спасает тебя каждый день. Она – твой ангел-хранитель, твоя страховка.

– Но… как я к ней отношусь? Я люблю ее?

Этот вопрос удивил Пьера. Он почесал в затылке, нахмурился.

– Ты меня об этом спрашиваешь? На это трудно ответить. Она – то прочное, что есть в твоей жизни. Ты это знаешь и благодарен ей.

– Это не тот ответ, которого я ждал.

В эту минуту вошла Виктория.

– Готово, позвонила. Мне показалось, что его это устроило, у него в разгаре партия в гольф. Он советует тебе отлежаться. О чем вы говорили?

– О Жереми. О его личности. И о тебе. О том, как он тебя любит, – смеясь, ответил Пьер. – Я разговариваю с сумасшедшим!

– Вот как! И что же, ты любишь меня? – спросила Виктория, садясь к нему на колени.

– Вот именно, до безумия.

Он всмотрелся в лицо Виктории, которое было совсем близко, и вдруг понял, как ему повезло.

Она сжала его руку.

– Жереми, мне тревожно за тебя. Я думаю, нам надо обратиться к специалистам.

– Не беспокойся. Пьер прав. Завтра память ко мне вернется. Если нет, обещаю тебе, что сдамся врачам.

– Если только не забудешь свое вчерашнее обещание, – усмехнулся Пьер.

– Ты мне напомнишь.

– А не вздремнуть ли тебе сейчас? – предложил Пьер. – Это может пойти тебе на пользу.

При мысли о том, что придется лечь в постель, на Жереми накатила тревога. Шуткой он попытался прогнать осаждавшие его воспоминания.

– Мне хочется лечь, расслабиться, но не спать. Прикинь, если я еще раз перепрыгну в будущее! Пять лет, десять, пятьдесят! Открываю глаза и – о ужас! – в стакане лежат вставные зубы, а рядом Виктория пускает слюни!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Популярная песня из репертуара Эдит Пиаф.

Купить: https://tellnovel.com/terri-koen/ya-vybral-by-zhizn-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити